

УДК 821.133.1.09-311.3

«УЛИСС ИЗ БАГДАДА»: ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ДЕРВИШЕСТВО

Ю. У. Матенова

Ташкентский государственный педагогический университет
кафедра русской и зарубежной литературы

Рассмотрено дервишество героя романа «Улисс из Багдада» современного французского писателя Э.-Э. Шмитта: от гомеровских реминисценций до суфийских экзистенциологем.

Ключевые слова: Эрик-Эмманюэль Шмитт, «Улисс из Багдада», дервиши, Одиссей.

Заглавие романа Эрика-Эмманюэля Шмитта «Улисс из Багдада» отсылает к древнегреческой поэме. Читателю нет нужды искать намеки и проявлять интуицию, в данном случае заглавие – заявка о том, что речь пойдет о судьбе, схожей с судьбой гомеровского Одиссея. В контексте романа заглавие метонимично: речь идет не только о конкретной древнегреческой поэме, но о книгах вообще, о книжной культуре, способной перевернуть сознание человека, а впоследствии – и его судьбу. Значимость книг для героя романа, Саада, или Улисса из Багдада, была привита ему отцом, который отвел его, еще ребенком, в тайник, кладовку, где хранилась сокровищница из книг. Эти книги отец Саада, будучи библиотекарем, тайно свозил сюда, «вместо того чтобы отправить в министерство на уничтожение, он сложил их на полках в подвале и прикрыл старыми коврами» [6, с. 25]. Так началось образование Саада, данное ему отцом. «Гордясь своей страной, любя ее богатую тысячелетнюю историю, говоря о Навуходоносоре так, как будто виделся с ним накануне, он <отец> ненавидел правящий режим и был уверен, что, спасая фолианты, сохраняет, вопреки Саддаму Хусейну, которого считал узурпатором, иракскую традицию, цивилизацию эрудитов, которая изобрела письменность и жадно интересовалась иноземными культурами. <...> С этого дня во мне открылся вкус к чтению – или свободе (одно другого стоит), я провел юность, разоблачая то промывание мозгов, то вранье, которым нас мучили в лицее, и защищаясь от него, пытаюсь выучиться думать иначе, по-своему...» [Там же, с. 26–27], – рефлексует главный герой романа.

Подобное инакомыслие приводит Саада к решению покинуть свою страну, место своего рождения, Ирак. Он отправляется в долгое путешествие в поисках лучшей доли – а именно: свободы. Вектор путешествия гомеровского Одиссея направлен к родному дому, но у Саада, типологического с Одиссеем образа, – в другую сторону, от дома. Дом в подобных путешествиях – отправная точка и замыкающая, а путь – это круг. Казалось бы, тогда путешествие Саада находится в противоречии с Одиссеевым; но нет, все оказывается гармоничным. Еще в утробе матери Саад мечтал о *другом месте* рождения. «Мне часто снится, что я был прежде, чем родился, что я присутствую в минуты, предшествующие зачатию, – и поправляю, направляю то колесо, что размещивает клетки, молекулы, гены, отклоняю его, чтобы изменить результат. Не для того, чтобы стать иным. Нет. Просто чтобы прорасти в другом месте. В другом городе, в совсем иной стране. Конечно, в том же животе, во чреве

матери, которую обожаю, но чтобы чрево это выпустило меня на почву, где я смог бы расти, а не на дно ямы, из которой двадцать лет спустя мне придется выбирать-ся» [Там же, с. 7–8]. Это допренатальное место, *родное* место Саада, *другое* место, и станет целью его путешествия, его одиссеи, пока круг не замкнется и встреча с ним не состоится.

Путешествие Саада имеет два плана развития: реальный и метафизический. Второй выражен диалогами Саада с его отцом (типологически – гомеровским Лаэртом), умершим физически, но продолжающим свое бытие в сознании сына; с другой стороны, это своеобразная персонификация внутреннего голоса Саада. Этот «внутренний голос» весьма образован, он режиссирует путешествием Саада по сценарию гомеровской «Одиссеи»: «“Одиссея”, сынок, первый рассказ о путешествии в истории человечества» [Там же, с. 141].

В пандан к гомеровскому образу Пенелопы в романе присутствует Лейла, возлюбленная Саада. С ней ассоциирована саадовская цель – Лондон. Прибыв туда в конце пути, Лейлы он там не найдет, но в метатексте романа заложена их будущая встреча: Саад/Улисс найдет свою Пенелопу.

Остановимся на прямых одиссеевских реминисценциях в романе Шмитта. Саад для достижения своей цели был вынужден прибегать к услугам проходимцев, среди которых были и наркоторговцы. Отец, не покидавший сына во время его путешествия, называет наркоторговцев лотофагами.

«Как ты их называешь?»

– Саад, сын мой... ты прекрасно знаешь, кто такие лотофаги, я ведь не раз читал тебе про них, когда ты был молод. Ты жадно просил меня читать эту историю, настолько она тебе нравилась. <...> “На десятый день Улисс и его спутники оказались в стране пожирателей цветов, и звали их лотофаги. Эти люди едят лотос во время трапезы. Но кто попробует этот плод, сладкий как мед, тот не захочет больше возвращаться домой и давать о себе вести, но будет упорствовать и останется с лотофагами, поглощая лотос, предав забвению дорогу назад”» [Там же, с. 140–141].

Одно из наставлений отца Саада: лотос не только заставляет забыть цель, он помогает забыть то, что цели вовсе нет. Так эта встреча становится одним из решающих испытаний на пути Саада, на пути его инициации в свободного человека, руководить которой по изначальным законам должен старший, наставник.

Очередным испытанием в безвыходной ситуации стала для Саада роль жиголо, а за нею – встреча с «сиренами» (буквальная гомеровская цитация). Это были рок-певицы с дикими, оглушающими голосами. «“Сирены” не были иллюстрацией средневековой легенды: ничто не связывало их с девами-рыбами, ничто в них не напоминало легендарных красавиц с обнаженной грудью, с огненным взором, чьи гривы струились вдоль гибких тел, заканчивавшихся чешуйчатými хвостами, роковых красавиц, утаскивавших моряков на дно, предварительно соблазнив их. Гораздо больше, чем сирен древности, они напоминали сирены современные – электрические сигналы тревоги, воющие раструбы, разрывающиеся при угрозе пожара или ограбления» [Там же, с. 198]. Однако спасение пришло к Сааду именно от сирен. Сааду вменялось охранять певиц (сирен) от фанатов. Оглушенные охранники работали только один раз, непригодные больше к этой роли. Сделав так, как его предшественник Одиссей, – воспользовавшись «восковыми затычками в ушах», – Саад выдержал и это испытание, так как вместе с сиренами он мог вырваться из Египта. Затем последовали очередная тюрьма, побег, кораблекрушение – и встреча на берегу: «Как тебя зовут? <...> Поскольку я нашла тебя на пляже, как Навсикая, обнаружившая нагого Улисса среди камышей, я буду называть тебя Улисс» [Там же, с. 259]. Лю-

бовь со стороны сицилийской Виттории не смогла прервать путь Саада к намеченной цели. Оправившись от постигшей его катастрофы, Саад отправляется дальше. Он настолько сжился с историей Улисса/Одиссея, что теперь, попадая в руки блюстителей закона, отвечает только по «сценарию». «Как вас зовут? – Улисс. <...> – Ваша страна? – Итака. <...> – Где это? – Место так и не нашли» [Там же, с. 313].

На очередном зигзаге испытаний, когда никак не находился выход, приходил отец и помогал сыну. «Помнишь, сынок, историю про Улисса и баранов? <...> Литература полезнее, чем ты думаешь. <...> Хитроумный Одиссей не знал, как выйти из пещеры, куда его заперли вместе с товарищами. Ибо ослепленный им Циклоп ощупывал каждого барана, когда стадо выходило из пещеры, проверяя, что ни один из пленников не уселся верхом. И потому Одиссей придумал связать несколько баранов между собой и спрятать греков у них под брюхом. Таким образом Циклоп, оглаживавший овец по спинам, упустил Одиссея и его спутников. <...> – Спасибо, папа, я понял!» [Там же, с. 322–324]. Саад поступил так, как и Одиссей, – с учетом технологического прогресса: залез под кабину грузовика, прижался к колесным осям, пристегнул себя ремнем к днищу машины – и беспрепятственно пересек границу. «Я спасен. Я на свободе. Я во Франции» [Там же, с. 328]. Здесь он встретился со своей Пенелопой – Лейлой – и вновь был разлучен. «Я думал, что ты счастливо достиг конца одиссеи...» [Там же, с. 370], – говорит ему отец. «Видишь ли, папа, когда ты воскресаешь передо мной свои любимые книги, все эти романы, которые кончаются счастливо или по справедливости, я понимаю, что писатели – шарлатаны. <...> – ... Саад! Писатели рисуют мир не таким, каков он есть, а таким, каким могли бы сделать его люди» [Там же, с. 371]. Читатель понимает, что этот диалог – внутренний, с самим собой, он двигает Саада дальше и дальше к цели. Наконец он в Лондоне, последней стоянке своего пути. К сожалению, жизнь нелегала продолжается. Отец по-прежнему пытается вразумить сына: «...Ты примкнул не к английскому населению, а к английской популяции иммигрантов!» Финальный монолог-отповедь отцу – концептуальный для Шмитта, в нем расставлены все главные акценты поиска Саада: «Три тысячи лет назад один человек – Улисс – мечтал вернуться домой после войны, забросившей его в дальние края. Я же мечтал покинуть родину, охваченную войной. Я тоже странствовал и встретил тысячи преград на пути, но я стал противоположностью Улисса. Он возвращался, я иду вперед. Мой путь – туда, его – обратно. Он стремился в дом, который любил, – я отдаляюсь от хаоса, который ненавижу. Он знал, где его дом, я же ищу его. Для него все было решено происхождением, ему надо было только двигаться вспять и умереть счастливым и полновластным. Я же построю свой дом за пределами родины, на чужбине, вдали. Его одиссея была полна ностальгии, моя – это старт, наполненный грядущим. Он шел к тому, что уже знал. Я встречу то, чего не знаю» [Там же, с. 379]. «...Папа <...> ...я пришел» [Там же, с. 380].

Главное слово заглавия нашей статьи – *дервишество*. Дервиш ли Саад из Багдада, шмиттовский герой романа?

Классический ориенталистский дервиш, явленный европейскому миру после публикации книги Арминия Вамбери «Путешествие по Средней Азии» [3], имеет мало сходства с Саадом, но лишь на первый взгляд. Вамбери показал рецепцию дервиша с двух сторон – окружающими и изнутри: каково это – быть дервишем? Он наблюдал за своими «собратями»-дервишами, которых не раз встречал на пути, продолжавшемся десять месяцев, и ему казалось, что те, так же, как и он, – притворщики, каждый со своими коварными планами. Книга Вамбери была переведена на многие европейские языки, на русский в том числе. С тех пор дервиш входит в мировую литературу как шпион, провокатор, фигура, враждебная европейцу, что

не раз подкреплялось этнографическими записями русских военных востоковедов конца XIX века.

Однако был другой дервиш, тот, которого видели не ориенталисты, а люди с восточным менталитетом. В этом случае дервиш предстал аскетической фигурой, асоциальной, ищущей совершенного способа общения с Богом. Окружающие прощали ему все: небрежность внешнего вида, аномальное поведение, странность в жестах и поступках. Дервиш был *другим* – святым, праведником. Образ жизни дервиша – странничество, путешествие.

Именно такой дервиш увлек поэтов русского Серебряного века, к нему обращается литература постмодернизма XX–XXI веков, – к загадочному, отрешенному от мирских забот, ищущему идеальной формулы жизни и кратчайшего пути к Богу. Метафорически шмиттовский Саад может быть встроен в типологический ряд дервишей современной литературы. Он отвергает все так называемые «базовые ценности», понимая, что многие его примут за ненормального; однако это его не останавливает: так сильна страсть к достижению цели – свободному существованию вне тоталитарного прессинга. В этой ипостаси образ Саада сопоставим с образом Королева из романа Александра Иличевского «Матисс», который также сопротивляется житейской рутине и, казалось бы, незыблемости. «Королев бросает вызов – непублично, без эпатажа, без деклараций – тем нормам, которые сковали человека, его свободу ритмоорганизующими, мифологизированными, как бы раз и навсегда данными ходами-путями-способами проживания. И он из Королева становится Королем – в своем царстве: просто на земле, просто среди природы» [5, с. 38]. Каждый априори обязан любить родину, – с этим, казалось бы, космогоническим и экзистенциальным паттерном современного человека Саад не согласен. «...Я родился не в той стране. Слово “родина” звучит для меня странно. “Родная страна”! Ирак мне чужой, он не принял меня, не дал мне собственного места, мне в Ираке совсем не было хорошо, а если бы было, то вопреки Ираку. Я не уверен, что Ирак любит меня, и совсем не уверен, что сам люблю Ирак. Так что “родная страна” не имеет ко мне отношения. Мне это выражение даже неприятно...» [6, с. 179–180]. Королев Иличевского, изобретающий новое зрение, сродни Сааду Шмитта, практикующего новую философию жизни. В одной из передач на радио «Эхо Москвы» писатель Дмитрий Быков резюмировал (без привязки к роману Шмитта) то, что выразил писатель Шмитт и его герой: мы живем в эпоху великого географического перераспределения, то есть люди начинают жить там, где им комфортно, где они чувствуют свою духовную родину; цепляться за место рождения, за другие данности – признак рабского сознания; люди будут географически распределяться, будут выбирать страну проживания, то есть заново будут рождаться нации; нация – понятие этическое, а не этническое [2].

Шмиттовский Саад/Улисс не дервиш – в традиционном понимании. Однако его страсть, стремление к цели, способы ее достижения, само путешествие рифмуются с исконным дервишеством. Путь, который проходит Саад, тождествен пути знаменитых псевдодервишей – Арминия Вамбери [3] из XIX века, Майкла Бёрка [1] из XX-го. Беседа с истинным суфием, псевдодервиш Майкл Бёрк на вопрос о том, что приводит человека к суфизму, слышит в ответ: это «колокол, звучащий в тебе. Это ответ на суфийский призыв. Этот “резонатор” был заложен в тебя в момент твоего сотворения» [1, с. 15]. И этот «колокол» все время слышит шмиттовский Саад, он уверен, что его сигнал раздавался еще до его зачатия. «Много тысяч лет назад что-то на этой планете пошло не так, и человек утратил возможность поднять себя из своего низкого состояния к тому, что составляет его судьбу» [1, с. 16], – го-

ворит собеседник-суфий Бёрку, но приходили пророки и напоминали «человеку о его высоком предназначении», о том, что снова может «получить возможность для подъема вверх» [Там же]. В прозе Шмитта этим человеком становится Саад, Улисс из Багдада.

На пути Саада встречалось немало людей, которые, казалось бы, по долгу службы, руководствуясь государственной идеологией, этническими предпочтениями, не «должны» разделять его философии, сочувствовать его поступку, его бегству, его желанию поменять географию своей жизни. Однако к нему были расположены многие, повстречавшиеся на пути, его любили, с ним заводили дружбу, ему безвозмездно помогали. Кстати, подобное отношение к себе как к дервишу зафиксировал и Арминий Вамбери. «У простых людей, в отличие от властей, дервиши пользовались уважением. <...> Только маска дервиша как человека божьего спасла его <Арминия Вамбери> от опасностей во время вояжа по городам и пустыням Средней Азии» [4, с. 147].

Один из суфийских мыслителей сказал: «Мы делаем нечто естественное, что является результатом исследований и практик и что ведет к дальнейшему развитию человечества. Мы создаем *нового* человека. И делаем это не ради наживы» [1, с. 54]. В эту парадигму вписывается образ Саада, Улисса из Багдада, посредством которого писатель Э.-Э. Шмитт предлагает новую модель, схему «человек и география». Шмиттовский дервиш идет индивидуальным путем – он пытается найти идеальную форму существования в мире XXI века. «...Мир все еще ждет такого изменения внутри человечества, которое сделает человечество единым – одно тело, одно сердце» [1, с. 105].

Список литературы

1. Бёрк О. М. Среди дервишей. М.: Сампо, 2002. 192 с.
2. Быков Д. Один: Авторская передача [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 31 июля. URL: <http://echo.msk.ru/programs/odin/1593934-echo/#mmvideo>. (Дата обращения: 14.09.2015.)
3. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Вост. лит., 2003. 320 с.
4. Шафранская Э. Ф. А. В. Николаев – Усто Мумин: судьба в истории и культуре (реконструкция биографии художника). СПб.: Свое изд-во, 2014. 170 с.
5. Шафранская Э. Ф. Роман Александра Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 42–45.
6. Шмитт Э.-Э. Улисс из Багдада: роман / Пер. с фр. А. Бемяк. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. 384 с.

“ULYSSES FROM BAGHDAD”: THE POSTMODERNIST DERVISHMENT

Yu. U. Matenova

Tashkent State Pedagogical University
the Department of Russian and foreign literature

The dervishment of the hero in the novel of the modern French writer E.-E. Schmitt “Ulysses from Bagdad” is examined: from the allusions to Homer’s up to Sufi existentialogems.

Keywords: Eric-Emmanuel Schmitt, “Ulysses from Bagdad”, dervish, Odysseus.

Об авторе:

МАТЕНОВА Юлия Умидовна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Ташкентского государственного педагогического университета (100064, Узбекистан, Ташкент, ул. Юсуфа хос Ходжиба, 103), e-mail: julia_matin@mail.ru.

About the author:

MATENOVA Yuliya Umidovna – candidate of Philology, head of the Department of Russian and foreign literature, Tashkent State Pedagogical University (100064, Uzbekistan, Tashkent, Yusuf khos Khodzhib str., 103), e-mail: julia_matin@mail.ru.